

18+

Ли́ла Рэ́й

Три дня
без плана

Ли́ла Рэ́й

**Три дня без плана. Иногда самое
важное начинается с того, что
ты просто выходишь из машины**

«Издательские решения»

Рэй Л.

Три дня без плана. Иногда самое важное начинается с того, что ты просто выходишь из машины / Л. Рэй — «Издательские решения»,

Антон давно живет по расписанию: работа, тишина, привычные маршруты и никаких лишних чувств. Но одна случайная встреча на зимней парковке меняет все. Яна появляется неожиданно — вместе с теплом, разговорами до ночи и ощущением, что рядом с ней наконец можно быть собой. «Три дня без плана» — атмосферная история о близости, одиночестве и любви, которая приходит тогда, когда ее уже не ждешь.

© Рэй Л.

© Издательские решения

Содержание

Три дня без плана	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

**Три дня без плана
Иногда самое важное начинается с того,
что ты просто выходишь из машины**

Ли́ла Рэ́й

© Ли́ла Рэ́й, 2026

ISBN 978-5-0070-2795-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Три дня без плана

Мне было тридцать четыре года, и я был уверен, что знаю о себе все.

Я знал, что по понедельникам ем пельмени из синей пачки с белым медведем, потому что именно этот бренд я покупал еще в студенчестве и переходить на другой было незачем — в этом чувствовалась своего рода стабильность. По вторникам — суши, потому что суши — это полезная еда, не зря же японцы долгожители. По средам — пицца «Маргарита» с добавленным мной лично базиликом и соусом табаско, и это был единственный кулинарный ритуал, на который я вообще был способен.

В четверг по расписанию были копченые ребра из мясной лавки на углу Садовой. Пятница, суббота, воскресенье были без плана, и именно эти три дня раньше всегда напоминали мне о том, что я один.

Это была не трагедия, и я хочу сразу это оговорить. Я не был тем самым несчастным, растрепанным одиночкой в мятой рубашке, который смотрит в окно под дождем и слушает Шопена. Я был вполне успешным — руководитель отдела в крупной логистической компании, машина трехлетней давности, квартира с высокими потолками в хорошем районе, абонемент в спортзал, который я посещал достаточно регулярно, чтобы не стыдиться при взгляде в зеркало.

Но по жизни был просто один. В душе, в жизни, в планировании выходных.

Первой, кто сказал мне, что в своем одиночестве я виноват сам, была Аня, которая ушла три года назад, сказав, что я «эмоционально недоступен» — фраза, которую она явно вычитала в каком-то женском журнале. Я решил, что это, возможно, правда и что я действительно устроен иначе. Что мне хорошо вот так — с понедельничными пельменями, с четким расписанием, с полным контролем над собственной жизнью, и я не чувствую себя при этом одиноким. И именно контроль был ключевым словом в моей жизни.

Аня, конечно, была не первой, кто мне об этом сказала. До нее была Марина, которая говорила, что я слишком много работаю и совсем не уделяю ей времени. Еще раньше — Катя, которая говорила, что у нее постоянное ощущение, будто она все время разговаривает со стеной.

Все они говорили разные слова, но все — по сути, об одном и том же: ты закрытый. Ты не пускаешь внутрь. Ты рядом физически, но не душевно.

Я слушал, кивал, вытирал слезы своим девушкам, обещал меняться, но все равно уходил домой, где мог и дальше есть пельмени в понедельник, суши во вторник, пиццу в среду. И когда Аня, Марина или кто-либо другой не выдерживал и предлагала прекратить отношения, я спокойно соглашался.

Мне не было больно — я просто думал, что, в общем-то, мне так будет лучше. И это называется не одиночество, это называется — выбор.

Так я себе говорил, старался заставить себя в это поверить и вел размеренную жизнь по расписанию. Однажды в конце ноября мне приснился сон, который преследовал меня несколько месяцев.

Это был полутемный концертный зал с высокими сводами, чуть пахнувший пылью, потом и чужими духами. Я стою в толпе, а со сцены поет кто-то, кого я не вижу, но отчетливо узнаю песню — слова которой знаю, но не могу вспомнить, откуда. Девчонка, девчоночка, темные ночи, я люблю тебя, девочка, очень...

Я все время кого-то ищу, поворачиваю голову то влево, то вправо, смотрю на незнакомые лица — все они размытые, как фотографии с плохой выдержкой. Я знаю, что ищу лицо, которое бы узнал, но не вижу его, как бы ни старался пробиться сквозь толпу.

Просьпался я обычно тогда, когда думал, что вот-вот я увижу того, кого ищу. Но в итоге так и не находил.

Когда этот сон мне приснился впервые, я не обратил на него внимания, только весь день ходил и напевал под нос эту песню.

Во второй раз записал в телефон: «Концерт, толпа людей, ищу кого-то, Белоусов».

В третий — просто лежал и смотрел в потолок. Не мог понять, к чему это и почему Белоусов, я против него ничего не имею, но любимым певцом он у меня никогда не был. И главное, я четко чувствовал, что должен кого-то найти. Только кого и зачем мне было совершенно непонятно.

К четвертому разу сон снова оборвался на том же месте; к пятому — я уже боялся ложиться спать: после него я всегда чувствовал себя растерянным и каким-то беспомощным, хотя не осознавал почему.

Уже был декабрь, а сон все возвращался и как я ни старался, разгадки не находил. В ту среду я плохо спал, это был день пиццы, и я решил уйти с работы пораньше — насладиться пиццей и любимым сериалом, чтобы постараться хоть как-то расслабиться перед сном.

Я закрыл ноутбук в половине шестого — что для меня было очень рано, — зашел в бухгалтерию подмигнуть Светке, потому что Светка всегда смеялась над моей пиццей-по-средам и говорила, что я «самый предсказуемый мужик в радиусе ста километров», и это ее почему-то искренне веселило.

— Пицца? — спросила она, не отрываясь от монитора.

— Маргарита с базиликом.

— Ты невыносим, Громов.

Я улыбнулся, пожелал ей хорошего вечера и пошел на парковку. Светка, хотя и смеялась надо мной, сама была не менее предсказуема. Я никогда не разговаривал с ней на тему семьи и не старался сблизиться — меня вполне устраивало наше дружеское общение. Но однажды поймал себя на мысли, что, наверное, рядом смогу быть только с такой женщиной, как Светка — с понятным ритмом и распорядком жизни, как у меня. Душевной близости у нас, скорее всего, не будет — той, которую я, как выяснилось, дать не умею. Но почему-то казалось, что Светку это устроит, ее день и так расписан, как ей надо, а я лишь маленькая часть в ее списке дел.

С этими мыслями я ехал в супермаркет и замечал, что настроение не улучшается, а становится все более рассеянным и странным. Было такое состояние, когда кажется, что чего-то ждешь, но сам не понимаешь чего.

На въезде на парковку супермаркета стояла непривычно длинная пробка — посередине ряда замерла машина, которая никуда не двигалась. Водители вокруг теряли терпение, начинали один за другим нервно сигналить, а кто-то даже выкрикивал что-то неприличное из окна.

Я не стал сигналить — смысла не было, ведь быстрее я так все равно не продвинусь. Первые секунд тридцать я бесцельно смотрел в телефон, потом в окно — и там, присмотревшись, увидел виновницу пробки.

Она бегала вокруг машины именно так, как бегают люди, которые не знают, что делать, но чувствуют, что обязаны что-то предпринять. Небольшого роста — явно не выше ста шестидесяти пяти, в светло-голубом пальто, с маленькой сумкой через плечо, светло-каштановыми волосами до плеч, растрепанными декабрьским ветром.

Она не была красавицей из тех, кто сразу бросается в глаза. Не из тех, на кого мужчины оборачиваются на улице. Но было в ней что-то — назову это энергетикой, хотя слово не мое и я обычно его в своем лексиконе не употребляю, — что-то такое, что заставляло остановиться, смотреть и не хотеть уходить.

Я не помню, как вышел из машины, даже не надев куртку — так и оставил ее на заднем сиденье.

— Здравствуйте. Что случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.